

О. М. ШУТОВА

Республика Беларусь, г. Минск

ИСТОРИОГРАФИЯ: ДИАЛЕКТИКА «ВЫЗОВОВ» В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

1990–2000-е гг. отмечены дискуссиями о так называемом «кризисе» в исторической науке. В отличие от всех предшествовавших «кризисов» нынешний связывают с «вызовами» постмодерна, привычно выделяя среди них его постструктуралистскую часть, или, как принято говорить, «лингвистический поворот», и оставляя в тени его антропологическое измерение.

Несмотря на принятые «положительные» оценки антропологического поворота, многие уже начали замечать его «минусы»: фрагментация исследований, «поверхностность», уклон в сторону нарратива и потеря «общего», потеря веса «объяснения» за счет «описания», повальное увлечение «новомодными» дискурсами, гендерами и т. п.

Справедливости ради надо отметить, что эти «вызовы» для белорусской историографии пока не представляют серьезной «угрозы»: все еще актуальной для нас представляется задача «перевода» истории на «человеческий» язык, поворот историков от абстрактных «народа», «экономики», «политики», «национального самосознания» и т. д. к индивидуальному, психологическому, возрастному, гендерному и другим измерениям этого самого «народа», к разнообразию складов его жизни внутри «экономики» и «политики». Кстати, от такого поворота и вклад историков в разработку концепции «национального самосознания», в дальнейшую демократизацию общества станет весомей – ведь историческое сознание, воспитанное на признании мультикультурной и многонаправленной истории, или даже «историй», является неотъемлемой составляющей общего гражданского воспитания.

Гораздо более мощным импульсом для «вызова» истории стало быстро распространяющееся влияние постструктурализма, которое сменило структуралистский период постмодерна.

Одной из главных сфер действия постструктурализма является лингвистический (или «дискурсивный», как иногда его называют) поворот, отличающийся своими мотивами языкового характера мышления и переносом подходов и методов литературной критики на все гуманитарное знание.

Некоторые исследователи относят старт лингвистического поворота еще к началу XX в., выделяя в качестве главной его первую, лингвистическую, часть, связанную с осмыслением языковой обусловленности мира и методами лингвистики. Мы склоняемся к акцентированию в нем второй позиции, связанной с «литературоведческим» уклоном, а в теоретическом плане – с влиянием уже не структурализма, а постструктурализма. И хотя многое из теоретического багажа структурализма остается базовым и для постструктуралистов, главным является его «движение от лингвистической к литературной модели», перенос акцентов в исследованиях со «знака» на «текст», с «языка» на «дискурс», критика «структуры» и «децентрация» человека.

Говоря упрощенно, постструктурализм решает традиционные философские вопросы («Я», «познание», «свобода», «истина») таким образом: «1) разум не составляет сущность мира; поэтому 2) мир не тождественен познающему сознанию; 3) само сознание не равно разуму и не может быть к нему сведено...; 4) сознание не является ни первичной, ни беспредпосылочной точкой отсчета в человеке, но, напротив, представляет собой сложную функцию дорефлективных и иррефлективных процессов». Подобное решение

противоречит основным установкам философского рационализма («порядок идей» соответствует «порядку вещей»), на которых зиждется историческое знание [1, 15–16].

По известному высказыванию идейного лидера постструктурализма Ж. Деррида, «ничего не существует вне текста», и «любой индивид в таком случае неизбежно находится "внутри текста"», т. е. в рамках определенного исторического сознания, насколько оно нам доступно в имеющихся текстах.

Все это перестает быть для историков некоей абстракцией и начинает таить в себе конкретные «пользы» и «угрозы» тогда, когда главные «болевые» точки – скептицизм и релятивизм в вопросах истины, познания, «я» – касаются практики историка, ведь «вера в реальность прошлого и его познаваемость является центральной для исторической работы» [3, 8–9].

«Скептицизм и релятивизм – обоюдоострые мечи. Они могут адресовать свою критику власти, но они же ставят под вопрос любую отрасль знания». Не случайно американский историк Кейт Виндшаттл провозглашает с горечью, что подходы литературной критики для такой дисциплины, как история, являются смерти подобными; принципы постструктурализма чужды самой природе гуманитарного знания, и малейшая уступка ему приводит к неизбежному кризису [4, 9].

Центральные идеи лингвистического поворота в русле постструктурализма находят отражение в истории в виде понимания истории как «бессознательного интертекста», чередования эпистем, нелинейных фрагментов-дискурсов, всевластия «власти» как машины подавления и продукта дискурса одновременно, крушения стереотипа «прозрачности» текста, пересмотра комплекса «автор – текст – читатель».

История, как и другие гуманитарные дисциплины, не остается вне перемен. Лингвистический поворот не плох и не хорош, он есть, и с ним приходится считаться всем гуманитариям и историкам. Там, где кто-то видит только «моду» и знак принадлежности к интеллектуальной элите или «посвященности», есть тенденция реальности, от которой, перефразируя слова Г. Герасимова, «можно отвернуться, но нельзя увернуться».

Наш вынужденный экскурс в постструктурализм не отменяет общего хода мысли: мы рассматриваем изменения в области историографии как еще одно следствие «лингвистического поворота». Как отмечает Ф. Анкерсмит: «В период после второй мировой войны, наблюдается *"сильный подъем историографии за счет критической философии истории"* (курсив. – О. Ш.). К тому же мы говорим о "новой" в противоположность "старой" традиционной историографии; критерием различия между ними служит принятие/отрицание "постулата двойной прозрачности текста": согласно первому постулату прозрачности текст позволяет нам видеть сквозь него прошлую реальность; согласно второму – текст является совершенно адекватным средством передачи историографических взглядов или намерений историка» [2, 6].

В свете проблем, поставленных постструктурализмом, несправедливым представляется тот факт, что в дискуссиях о природе истории как рода деятельности принимают участие главным образом философы, а сами историки проявляют неподготовленность к «вызовам» постмодерна. История как дисциплина подвергается сегодня таким вызовам со стороны: 1) философско-лингвистических сомнений, выдвинутых в рамках, так сказать, постмодернистско-постструктуралистского комплекса; 2) в условиях высоких технологий, процессов глобализации и всяких прочих «-ций» и «-измов» роль гуманитарных дисциплин ощущается повсеместно как «незначительная», и все большее число историков сдвигают свои интересы в сторону политологии, социологии, информатики, антропологии.

В этом смысле представляется необходимой задача теоретического осмысления позиций истории, которую должна взять на себя историография в ее обновленном виде (и

со множеством коннотаций: история исторической мысли, история идей, интеллектуальная история или даже философия истории).

Специализация, дисциплинарная замкнутость, разделение истории по хронологии, темам, направлениям и т. д. неизбежны с ростом исторического знания, но они же меша-

ют видеть ускользающую «целостность», некое представление об общем смысле истории и ее направленности, ее идею или всеобщность. Такое видение все больше исчезает, дробясь на «фрагменты», «нарративы», изучение «дискурсов» в западной историографии и тщательную специализированность в исторических исследованиях у нас.

В связи с вопросом о целостности вернемся к пониманию «нового наполнения историографии». Еще одним его значением является осознание историографии как «истории идей», или «интеллектуальной истории».

Интеллектуальная история, появившаяся еще в 1930–40-е гг., с самого начала высказывала «заинтересованность в изучении движущейся драмы жизни человечества *в целом*», причем эта «целостность» достигалась бы, по мысли А. Лавджоя, за счет изучения «идей» – неких единиц-блоков в культуре, циркулирующих как составные части разнообразных учений и теорий в различных областях знания.

Пережив период критики и упадка, в 1960–1970-е гг. лавджоевская «история идей» переосмыслила себя в плане «социализации» (не только «сияющие вершины», но и идеи «простых» людей, *common sense*), а затем в виде «новой интеллектуальной истории» с ее лингвистическим пониманием культуры и влиянием литературоведения.

Новое наполнение (или дополнение) к «традиционным» сферам исследовательских интересов историографии выступает в двух ипостасях. С одной стороны, история идей, понимаемая как междисциплинарное предприятие, ориентированное на изучение исторических категорий мышления, исторического развития интеллектуальной сферы (включая и ее философские, художественные и естественнонаучные части). С другой – историография как история идей, составляющих историческое и культурное сознание эпохи.

Это движение навстречу усилит позиции историографии как фактора идентификации историков, поможет осмыслению места истории в постмодернистском мире, создаст возможности для интеграции исторического знания в более «целостную» картину.

1. *Косиков Г. К.* «Структура» и/или «текст»: стратегии современной семиотики // Французская семиотика: от структурализму к постструктурализму.
2. *Ankersmit F. R.* The reality effect in the writing of history; the dynamics of historiographical topology. Holland, Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 1989.
3. *Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth About History. New York, London, 1994.
4. *Windschuttle K.* The Killing of History: How Literary Critics and Social Theorists Are Murdering Our Past. San Francisco, 2000.